

Леонид СИМАЧЕВ

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Рассказ

В этом году лауреатом премии губернатора Амурской области в области литературы и искусства стал писатель из Сковоудино Леонид Симачев. В конкурсе номинировалась его книга рассказов «До коммунизма и позже».

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию один из рассказов писателя.

Разбудил Бориса Клавдиевича какой-то шум на палубе. Судно лежало в дрейфе, и дизели не работали. За открытым иллюминатором чувствовалась лишь вялая, с редкими всхлипами дремота сонного океана. Легкий ветерок, два часа тому назад пошевеливавший занавески, изменил направление и зашел с другого борта. В каюте стало душно. Привычно постукивал давно забытый смазку вентилятор. С досадой Борис Клавдиевич взглянул на часы: до вахты можно еще поспать, а он вот проснулся, и тут вдруг слабо донеслось беспорядочно-надрывное пикиканье гармошки.

Он поднялся и подошел к иллюминатору, осторожно просунул голову и прислушался. Играли на корме. Внизу, на палубе, моторист лениво дергал кальмаров. «Значит, кальмар еще есть», - отметил Борис Клавдиевич. - А вась кашалоты и не уйдут от своей кормежки. Побили их за день крепко...» Он хотел окликнуть моториста и спросить: кто это там развеселился, но спохватился, что разбудит гарпунера и решил сам спуститься.

Одна рука у моториста, словно шатун, механически ходила вверх-вниз, вверх-вниз... Это он потягивал леску и отпускал, снова потягивал и отпускал, а на конце лески, где-то там, в глубине,

был фосфорисцирующий шарик, опоясанный обоймой острых крючков. Свободной рукой моторист опирался на фальшборт, терпеливый взгляд рыбака был направлен в зеленовато-серую у борта, зыбкую воду; на этой зыби китобоец легонько покачивался. Порой рука-шатун как бы спотыкалась, и он быстро-быстро выбирал леску обеими руками, а на концы ее, топорщась хвостом и из-

виваясь, как пропеллер, появлялся, брызгая вокруг чернильной жидкостью и ежесекундно меняясь как-то переливчатым цветом, красавец-кальмар. Он тербил щупальцами леску и прыгал по палубе, молочно-розово-фиолетово-сверкая, а его собратья по-прежнему мощными толчками выходили из глубины и то и дело промелькивали вдоль борта, привлеченные светом прожектора.

- Боецман это, Клавдич, - хмуро ответил моторист и как-то озлобленно потащил попавшегося кальмара. - Жена от него ушла.

- Как?!
- «Маркони» в полночь депешу принес... Я как раз на вахту заступал, - все так же глядя на фальшборт, без особой охоты разговаривать пояснил он и, будто спохватившись, вновь ожесточенно замахал рукой.

«Мальчишка!..» - обругал радиста про себя Борис Клавдиевич и двинулся вдоль надстройки.

Боецман сидел на кормовом шпиле спиной к судну. На коленях у него была гармошка, на которой, как на плахе, покоилась его склоненная голова. Иногда он поднимал ее, некоторое время вглядывался в ночной океан, словно высисывая что-то, и вот - нашел - начинал терзать гармонь. Играл он плохо, и, может, от этого становилось особенно жутко. Борис Клавдиевич подернул плечом, как от нервного тика, и шагнул в коридор.

Боецман жил в двухместной каюте с помощником гарпунера. Тот не спал.

- Ну что, Дмитрий?... - спросил Борис Клавдиевич.

- А ничего... Выпил одеколон, какой был в каюте, взял гармонику и теперь со звездой говорит, - задумчиво съерничал Митя, лежавший на нижней полке в одежде, с заломленными за голову руками.

- Вы уж тут присматривайте за ним, - зачем-то сказал Борис Клавдиевич.

Радист Сашка Грюмблат дремал в радиорубке на диване, карауля вполуха эфир. Сашка был из обрусевших немцев с Алтая, минувшей зимой закончил мореходку и делал первый самостоятельный рейс.

(Продолжение на 5-й стр.)

Письмо в номер

Звезды Юлии Шестаковой

Здравствуй, «Проспект Пушкина»! 20 мая - 90-летие со дня рождения Юлии Алексеевны Шестаковой, два года не дожившей до этой даты. Мне дважды довелось встречаться с Юлией Алексеевной. Первая встреча - в литературном музее Хабаровска, куда нас, слушателей курсов повышения квалификации, водила Г.П. Аникина, когда-то преподававшая в БГПУ античную литературу. Это был март 1983г. После экскурсии по музею под руководством К.Н. Зиловой (ныне заведующая литературным отделом Хабаровского краеведческого музея имени Гродекова) нам представили местную писательницу Ю.А. Шестакову. Тогда ей было почти шестьдесят. С распахнутым улыбкой лицом, она мне, впервые увидевшей «живого писателя», показалась «не по-писательски» простой. Книг я ее на то время не знала, как не знала и того, что она наша землячка. Представили ее как автора сборника «Люди-звезды» и переводчицу. Проявляет интерес к литературе коренных народов Дальнего Востока. Отметили: удивительно внимательна к человеку. Перевела повесть первого удэгейского писателя Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай», стихи А. Пассара. Много переводов с болгарского, в частности, перевод стихов Николы Вапцарова, получившего международную премию Мира. На то время она заканчивала перевод поэмы Владимира Заксера «О тебе пою». Это нанайский писатель, которого убили, сбросив со скалы в селе Бичи Хабаровс-

кого края. Его жена передала тетрадь Юлии Алексеевне, и она перевела поэму, которая в том же, 1983 году, была напечатана в журнале «Дальний Восток».

Наверное, не я одна из слушателей курсов на то время была не знакома с творчеством Юлии Алексеевны, потому что больше задавали ей вопросы не о дальневосточных писателях, а о широко известных в стране. И она рассказывала о Евгении Евтушенко, с которым какое-то время училась в литературном институте им. Горького в Москве, о встречах с Константином Симоновым, который бывал на Дальнем Востоке, вылетал в Японию вскоре после бомбардировки американцами Хиросимы и Нагасаки. Конечно же, рассказывала о Петре Комарове, дружбой с которым дорожила, очень тепло отзывалась о нем, высоко ценя его поэзию.

Этими чувствами пронизана ее статья, послужившая предисловием к сборнику стихотворений П.С. Комарова, изданному в Хабаровске в 1992 году.

Шло время. И я занялась изучением амурской, дальневосточной литературы, в частности, литературы коренных жителей Дальнего Востока. Уже отметил десятилетие наш школьный литературно-краеведческий музей, созданный ребятами-краеведами. На одном из стендов представлен материал о Ю.А. Шестаковой, которая родилась 20 мая 1914 года в деревне Черновка Свободненского района Амурской области. После окончания средней школы в Свободном поступила на литературный фа-

культет Иркутского педагогического института. В 1935 году, после окончания института, она приехала в Хабаровск, где и жила до последних дней своей жизни.

Есть на стенде и фотография - Юлия Алексеевна и Николай Семенович Дункай, нанец, хотя считают его удэгейским писателем, поскольку он давно живет в удэгейском селе Красный Яр Пожарского района Приморского края. О работе ее в качестве переводчицы с языков коренных народов Дальнего Востока он рассказал на страницах журнала «Дальний Восток» №№ 5-6 за 1994 год. Есть в нашем музее и первое издание книги Джанси Кимонко 1950 года в переводе Ю. Шестаковой. Многие писатели Хабаровской писательской организации предлагали поставить на книге рядом с именем Джанси Кимонко и имя Ю. Шестаковой, но она решила: «Нет. Тогда не будет писателя Д. Кимонко».

...И вот вторая встреча. Июль 2001 года. Отмечая 90-летие со дня рождения Петра Комарова, хабаровчане организовали чтения в городском парке культуры, в нескольких библиотеках города, выставку в краеведческом музее. 12 июля собрались почтить память поэта у его могилы. Я узнала об этом в музее и отправилась к могиле Петра Комарова.

Найти было нетрудно, так как собрались поэты, писатели, краеведы, работники культуры, радио и печати, читатели. И в стороне на табурете сидела старенькая женщина, в которой я узнала Юлию Алексеевну. Она была больна, слаба, но пришла почтить память собрата по



перу, с кем когда-то начинала свой путь на этой стезе.

Я подошла к ней, представилась, откуда я; она сказала, что Амурская область - ее родина, о чем я на то время уже знала. В тот год ее приглашали на юбилей села Черновка (тогда приезжала Н.М. Распопова), но поехать она уже не могла. Говорила, может быть, дочь поедет.

Подошли журналисты, брали интервью.

Помню, что отметила она необыкновенную добросовестность и работоспособность П.С. Комарова. Когда группа писателей уехала в Комсомольск - на Амуре, где шло строительство «Амурстали», Петра Степановича по состоянию здоровья не включили в ту группу. Велико было ее удивление, когда, выйдя на крыльцо редакции в вьюжное утро, она увидела направ-



ляющегося к ней поэта: не мог он быть в стороне от великой стройки. А мы можем теперь прочесть об «Амурстали» в его стихах.

Юлия Алексеевна на программке комаровских чтений оставила мне свой номер телефона и автограф. Осталась и фотография на память об этой встрече. А вечером на чтениях в библиотеке имени Петра Комарова хабаровский краевед, знаток дальневосточной литературы, профессор педуниверситета С.И. Красноштанов подарил мне в память о комаровских чтениях сборник стихотворений «Дальний Восток» и книгу Юлии Шестаковой «Люди-звезды», о которых она рассказывала, потому что была удивительно внимательна к человеку.

Л. А. ГОЛОВЧАНСКАЯ,
учитель
Ураловской СПОШ
Шимановского района.

На снимках: автор материала с Ю. Шестаковой; Ю. Шестакова.



Леонид СИМАЧЕВ



(Продолжение.
Начало на 3-й стр.)

- Ты что натворил?! - с шумом открыв дверь, трескуче начал Борис Клавдиевич. - Ты мог посоветоваться, а?! - Зайти к капитану или ко мне?... Через час рассвет, охота - а полкоманды не спало! За ночь же ничего не изменится, а он бы выспался... Ведь она ушла!

Ушла и все: ничего ж не поделаешь... Или ты думаешь - она завтра прилетит, мол, извини, я погорячилась... - съязвил Борис Клавдиевич

- Этого я не думаю, - поправил одеяло на диване аккуратный Сашка. - Предупреждение срочно передавали: циклон идет, ну и РДО заодно...

- Циклон? - сразу забеспокоился Борис Клавдиевич. - А почему до сих пор в дрейфе?

- Внеочередной капчас проводили... Решили ждать рассвета, вроде, строино пока идет, а тут работа, зачем бежать-то от нее, - Сашка убавил громкость приемника.

- Тем более - надо было по времени с радиогаммой...

- Это нечестно, - прервал Сашка и сел в кресло, давая понять, что он здесь хозяин и ему нужно работать.

«Какие они все гонористо-несмышленные, эти молодые специалисты» - с уязвленной и в то же время с какой-то сладостной болью непонимания спускался Борис Клавдиевич к себе в каюту выпить кофе перед вахтой.

С рассветом, который наступил запоздало из-за появившейся мороси и редких пока еще полос тумана, океан заперекатывался уже крупной зыбью, а настойчиво тяжелеющий ветер задул нарастающе ровно, без порывов, сдергивая с волнистых вершухек пенные лохмотья. Наблюдатели недели плащи с капюшонами и поминутно протирали бинокли. С марсовой бочки на матче не доносилось ни звука. Стало ясно, что кашалоты, конечно же, почуяли непогоду и давным-давно ушли. К капитанскому часу - восьмью утра - ветер завернул еще сильнее и перешел в штормовую. Посовещавшись, решили удирать. Долго спорили при выборе курса: ветер все еще менял направление.

Отдохнуть к себе в каюту Сашка Грюмблат зашел лишь после запоздалого завтрака и, приятно расслабившись, повернул к зеркалу одурело - бессонное лицо. И сразу заметил пропажу одеколона с полочки над умывальником. Большой флакон польского «Мефисто», благоухал которым Сашка трижды в месяц - после бани и бритья. Настроение у него опять испортилось, как и пять часов тому назад, когда на вахту заступил старпом, с усердием принявшийся безостановочно гонять локатор. Видимость была еще средняя, кругом чистый океан, до соседних китобойцев по десять миль с одного борта и с другого, но этот перестраховщик так за все четыре часа его и не выключил ни разу цик-

лон идет! Бегал беспрестанно с верхнего мостика в рубку наблюдать соседей, все ему чудилось, что-то по курсу.

Локатор был старый, отслуживший свое, их тех, что моряки со стажем называют привычно - радар. Особенно Сашка боялся за мотор на антенне. В тихую погоду было слышно, как он натужно скрежещет. И сердце обливалось кровью за подшипники, обглоданные от износа. Но Клавдича Сашка изучил уже достаточно и знал, что если выключит радар, то Клавдич тут же включит, и снова включит, и десять раз, и пят-

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

тор. - Шли бы вы отдыхать, Борис Клавдиевич, - добавил он.

К обеду столы застелили мокрыми скатертями, но все равно тарелки приходилось держать в

ся на что-то. Были еще и случайные женщины из ресторанов, но те сразу же обращали внимание на его скупую практичность и с легкостью расставались с ним. К



надцать... Пусть уж в одном режиме лучше трудится старичок. Только бы хватило - тьфу-тьфу-тьфу - до конца рейса... И он всю старпомовскую вахту просидел в радиорубке, вслушиваясь в ровный шум работающей аппаратуры, словно бы своим присутствием предупреждая возможную поломку.

Неспешно умываясь и чуть крениясь из стороны в сторону от все усиливающейся качки, Сашка прикинул, что штормовать придется суток двое, боцман за два дня переберется, и работа не пострадает. И он с легким сердцем лег поспать до обеда, предварительно проверив, наглухо ли задраены иллюминаторы.

А Борис Клавдиевич уходил в каюту не спешил. После завтрака он вновь поднялся в штурманскую рубку и бодрим деловитым голосом продолжил разговор с капитаном о выбранном курсе. Борис Клавдиевич вспоминал похожие циклоны, соответствующие времени года, широты, места из своей обширной морской практики. Капитан Васильев, бывший значительно моложе старпома, вежливо слушал, кое-где поддакивал, но тем не менее давал понять старпому, что ему хочется побыть одному. Борис Клавдиевич это знал, он привык к тому, что в последние полдесяток лет у него с капитанами были одинаково-похожие отношения: они все были моложе. Да и с другими членами команды тоже. Он заметил, что живет годами выработанными привычками. Так обсуждать распоряжение начальства он любил и в молодости. Он сидел на диване и думал о том, как бы прободрствовать до обеда, а потом уж лечь спать, говорил, что нужно было пойти навстречу циклону, а не бежать от него, но тут Васильев подошел к переговорной трубе и крикнул третьего помощника с мостика.

Привычно обиженный Борис Клавдиевич смотрел, как штурман скинул мокрый дождевик и присоединился к капитану, навалившемуся грудью на стол с картой. Тот стал коротко, вполголоса что-то пояснять третьему. «Понял... понял...» - закивал головой штурман, затем набросил дождевик и заступал сапогами по трапу.

- А боцман ночью одеколона нажрался, - сменил тему разговора Борис Клавдиевич.

- Да, да... слышал, - озабоченно ответил Васильев и включил лока-

руках. Лица у всех были в поту: внутри судна зависла недвижимая липкая духота, как ртуть, заполнившая пустоту. В столовой и кают-компани былолюдно: наблюдателей с мостика уже давно сняли. Флотилия развернулась носом на все еще меняющийся ветер, готовясь штормовать. Снаружи беспорядочная круговерть смешивала черные тучи с пенно-посверкивающими валами. Задраенные иллюминаторы осоловели тускнели, сочась пока тихими струйками. Как сквозь вату, прослушивалось вялое музыкальное попискивание, заглушаемое взвыванием дизелей, когда большая волна, подняв корму, оголяла винт. Все обедали молча.

Борис Клавдиевич никак не мог заснуть. И в каюте ничего не гремело, не перекатывалось, не звякало... Все было закреплено.

Лишь привычно захлебывался вентилятор при сильных ударах волны, но тут же убыстренно спохватывался и вновь шелестел со стуком. Борис Клавдиевич приставил к переборке вторую подушку, прижался к ней теменем, как всегда это делал в сильную качку, а ноги по диагонали упер в бортовину кровати, руки сложил на сытом животе, но сон к нему не шел. В шторм Борис Клавдиевич делил людей на три категории: одни травят, других тянет в сон, а третьи любят покушать. Пообедал он сейчас с аппетитом, но в голову все равно лезли всякие мысли. Ему чудились звуки гармошки, казалось, боцман ходит по коридору и сейчас начнет клянчить одеколон. Вдруг зашипел динамик: это радист включил передачу «Тихий океан». Слышимость из-за циклона была плохая, и Борис Клавдиевич соскочил с кровати и щелкнул регулятором. Откровенно говоря: он и не любил эту передачу. Поздравления и пожелания, приветы там всякие ему было не от кого принимать. Заодно закрыв и дверь на ключ, он снова улегся. Слава богу, что так и не женился. От него уходило некому. В полудреме он стал припоминать женщин, с которыми встречался в молодости и с кем можно было бы связать судьбу. Но получалось так, что либо они были старше намного, как та банщица в училище, подкармливавшая и обстирывавшая его, и от которой он удрал на утро после выпускного, либо уже с ребенком, как медсестра Вера, два года надеявшаяся

на что-то. Были еще и случайные женщины из ресторанов, но те сразу же обращали внимание на его скупую практичность и с легкостью расставались с ним. К чему-то вспомнил школьный случай, когда один десятиклассник из-за любви бросился под поезд. Кажется, он полюбил учительницу. Но это было так давно. Тогда и обучение было раздельным... Уже засыпая, он не без приятцы подумывал о соседке по лестничной площадке: вернулся к ней муж или нет?

Полдничали при электрическом свете. Китобоец ритмично сотрясался, зарываясь носом в очередной вал. От духоты казалось, что судно движется в нескончаемо рычащей темной утробе.

Васильев полустоя-полусидя наспех выпил кружку чая и вышел из кают-компани. Проходя мимо столовой, услышал музыку боцмана теперь сопровождаемую еще и тяжелой песней. Наполовину поднялся по трапу, намереваясь идти в ходовую рубку, постоял, подумал и вернулся в столовую.

- Пойдем! - он мягко высвободил гармонь из боцманских объятий и сунул ее буфетчику. Показал глазами: «Спрячь!», а вслух произнес: - Принеси чайник кипятку в каюту.

- А... Кеп... - не глядя на него, сказал боцман. Пожал плечами: - Пойдем!

Боцман сидел в капитанской каюте на диване и так же безучастно смотрел в одну точку, мурлыкая какую-то тяготящую себе под нос. Он даже не старался противиться качке, и его болтало, как ваньку-встаньку.

Васильев размешал в литровой кружке марганцовку с водой и завел боцмана в душевую.

- Я думал, кеп, ты меня водочкой утетишь...

- Пей! - нежно приказал Васильев.

Когда боцмана вырвало, Васильев, как гурман, втянул длинно носом воздух и пошутил:

- Я теперь до конца путины слово дезодорантом мыться буду... Блеск!

Он достал из холодильника сухое молоко, насыпал в ту же кружку, добавил сахару и развел с кипятком. Терпеливо смотрел, как боцман, обжигаясь и кашляя, допил вторую кружку, всученную ему насильно, и сказал:

- Боцман Быков, если еще услышу твоё нытье, не говоря уж - увижу, не дай бог, - морду набью... Ты же мужик! - и, встряхнув его за плечи, выпроводил из каюты.

Потом Васильев вспомнил, что из-за неурочного капчаса не де-

лал сегодня зарядку. Взял в шкафу гантели, расставил пошире ноги, но на одном месте невозможно было устоять. Тогда он сел на кровать и сообразно болтанке стал выполнять плечевые упражнения.

Жена у Васильева находилась на курорте в Алушке. У них не было детей, и последние годы она моталась по лечебницам и докторам. Размахивая гантелями, он как-то отстраненно подумал, что боцманское состояние он никогда не испытает. Наоборот, жена постоянно в страхе, что он уйдет к другой.

Ночью Сашка Грюмблат колдовал над гирокомпасом в навигационной шахте: от жары поднялась температура жидкости и сработала сигнализация, когда в люк просунул свою пего-лохматую голову Гиляз.

- Сашка... - почему-то шепотом окликнул он. - Отправишь сёдни, а?... Выпученными от наклона глазами он смотрел сверху и протягивал писульку. Усы у него выжидающе шевелились.

- Попробуем.

Из команды Гиляз был, пожалуй, старше всех. Сашке нравилось, с какой непосредственностью он подавал радиогаммы, передавая в каждой несколько приветов своим бесчисленным родственникам в Казани, делая трогательные ошибки в ласковых и нежных словах, обращенных к жене. «Пачему долго молчишь пишы своей жызни как учаца дочки цылую - Гиляз», - прочитал Сашка и положил бумажку в карман рубашки, где за день накопилось десятка полтора подобных листочков: в клеточку, в косюю линейку.

...Уперевшись ногой в основание передатчика, свободной рукой держась за край стола, Сашка сидел за ключом и тщето, переходя с одной рабочей частоты на другую, выстукивал позывной центра: УКА.. УКА...УКА... Тут тихо отодвинулась дверь и заглянул сутки не спавший Васильев:

- Саша, - он виновато улыбнулся. - Радар скис...

Сашка Грюмблат смотрел на экран. Развертка локатора стояла на одном месте - слева по корме судна. Он снял высокое напряжение.

- Мотор на антенне полетел, - сказал он Васильеву. - Я предупредил вас... Сейчас слезаю проверю. Если не заклинило - наше счастье. Вручную можно разворачивать и периодически, по секторам, просматривать...

- Грюмблат, здесь контейнеровозы японские ходят, танкера! - с жестяным оттенком заговорил Борис Клавдиевич. Он стоял у рычага сирены, давая гудки через равные промежутки времени.

- Погодите, старпом, - прервал его Васильев. - Сходите за боцманом, - обратился он к рулевому. - Пусть захватит монтажный пояс, а вы, Клавдич, возьмите руль.

Через минуту в рубку поднялся почерневший и осунувшийся боцман. Цепь монтажного пояса тихо позвякивала.

- Быков, - обратился капитан. - Тут такое дело... Объясни все, Саша.

- Значит, Коля, так, - заговорил Сашка. - Попробуешь повернуть антенну у радара. Если крутится, привяжешь кончик и осторожно поворачиваешь вокруг оси. Только под рупор сам не лезь! Хотя и маленькое, но все же облучение... А если мертво стоит - то сразу назад. Понял?

Боцман уже надел дождевик и отдраивал дверь на крыло рубки.

- Пояс!.. Пояс не забывай пристегивать! - крикнул Васильев вслед.

(Окончание на 11-й стр.)